

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ
БЕЗ ПРИКРАС

Александр Щербаков-Ижевский

Фронтовые будни без прикрас.

Серия «Бессмертный полк»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577330

ISBN 9785448398162

Аннотация

На подступах к Ленинграду Новгородские болота – это гиблые места сами по себе, где Господь забыл разделить небо и землю. Хоть кол на голове теши этим алкоголикам-тыловикам, у них всегда была своя хата с краю. А политработнику было запаadlo тратить нервы на солдатское скотосырьё для «передка». Что до людоедов, то их в самом Ленинграде были тысячи и всегда приходилось гадать, а не из человечинки ли сварен сей обмылок? Водку же переливали в молочные алюминиевые бидоны. И понеслась пьянка на войне...

Содержание

Обыденная рутина фронтовой обречённой безысходности	6
Фронтовой лазарет со всеми отягчающими обстоятельствами	44
Авоська и нахренаська – друг в одном окопе с изуверами-парашниками	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Фронтовые будни без прикрас Серия «Бессмертный полк»

**Александр
Щербаков-Ижевский**

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича
Щербакова (28.10.23—10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей
героям Великой Отечественной войны!*

Северо-Западный фронт.

Где-то в болотах Новгородской области.

Старая Русса-Демянск-Рамушево.

1942—1943 годы.

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

Корректор Игорь Иванович Рысаев

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9816-2

Обыденная рутина фронтовой обречённой безысходности

Узнав о начале войны в июне 1941-го, долго не раздумывая, я добровольцем ушел в Красную Армию.

Тогда было мне всего 17 лет.

С отличием закончил артичилище в Пензе и в 18 лет был направлен на Северо—Западный фронт.

Приказом по 58-й армии я, лейтенант Щербаков Иван Петрович в феврале был назначен заместителем, а в апреле 1942 года командиром минометного взвода 517 стрелкового полка 166 стрелковой дивизии.

С 16 февраля по 15 апреля 1942 года дивизия по железной дороге была переброшена в г. Любим Ярославской области и находилась в резерве Ставки ВГК.

Затем убыла в район Осташков, где вошла в подчинение 53-й армии Северо-Западного фронта.

Участок обороны Северо-Западного фронта проходил от озера Ильмень до озера Селигер в Новгородской области.

Это болотистый край заливных лугов длиной в 200 км.

Здесь наши части приняли от 23-й стрелковой дивизии полосу обороны в районе д. Молвотицы и до февраля 1943 г. вели ожесточённые позиционные бои.

Место противостояния, Новгородская область, сильно за-

болоченный край. Это гиблые места сами по себе. А когда в болотах, на опушках леса, на просёлках и по краям дорог белело множество человеческих костей, обглоданных черепов, то и вовсе становилось жутковато.

В общем, места были нелюдимые, глухие с сатанинским сероводородным душком от которого першило в горле и кружилась голова.

Наши командиры говорили, что это местность, где Господь забыл разделить небо и землю.

Информация из центральных источников до нас доходила в последнюю очередь. Быстрее сарафанное радио восточку принесёт, чем из официальных московских рупоров услышишь. Поэтому мы, как бы отвечали сами за себя в смрадном окружении сжиженного метана. Что там и где там происходило слышали только из уст комиссаров да политруков. Но крестьянские беспаспортные и раскулаченные мужики им не особо-то и доверяли. А попросту не верили в их коммунистические байки. Что там с их мировым коммунизмом случится ещё совсем непонятно было, а вот задача уцелеть здесь и сейчас стояла на кону архисложная и отчасти невыполнимая вовсе.

О блокаде Ленинграда страна узнала только в начале 1942 года, когда из него началось массовое бегство населения, панический исход старых да малых.

Политработники по этому поводу, порядком нам надоели, вправляя мозги и обещая скорую победу.

Лето-осень 1942 года наша дивизия, как и весь фронт, страдала от проливных дождей. Условия боевых действий, впрочем, на войне это обычное состояние, были очень суровыми.

Как было дело, расскажу без всяких прикрас...

Дорога на Руси всегда существовала своей, обособленной жизнью.

В войну эта разница миров была просто бездонна как пропасть.

На фронтовых дорогах царил хаос. «...Три трактора растаскивали застрявшую технику. Кто наглее, тот и владел тракторами, заботясь только о собственном благополучии и с отвращением к себе подобным. Наезжают, давят, ненавидят друг друга, становясь непримиримыми врагами...»

Души людей зачерствели.

Посреди перекрёстка лежал на животе труп толстого немца. Штаны у него были спущены, а в задницу воткнут на деревянном осиновом древке красный флажок. От сильного ветра упругая вица прогибалась и плавно покачивалась туда-сюда, словно приветствуя проходящих мимо людей. Казалось бы, верха цинизма этой сцене не было, а с другой стороны веселило. И немчура не такой уж бессмертной казалась. Другие фрицы и части их тел висели на деревьях, заброшенные туда взрывами от снарядов.

А на обочине вешали русского старосту-мужичонку в старом армяке, потрёпанного и равнодушного ко всему проис-

ходящему. Он уже смирился со своей участью, хотя избирали его на сходе односельчане и служил крестьянский сын на должности для их же благоприятного жития. Только кому это сейчас докажешь. Война.

Капитан из прокуратуры зачитывал приговор.

На экзекуции присутствовала парочка исполнителей из СМЕРШа и три-четыре зрителя.

Люди равнодушно проходили или проезжали мимо. Видеть смерть уже всем осточертело. Злости к мужику не было и расправа не заводила. Скорее возникала жалость и досада. Это же был не враг, а простой крестьянский сын по воле судьбы метавшийся между двумя непримиримыми сторонами.

На дороге бывало, что личная выгода преобладала до такой степени и до стрельбы доходило. Никто не был в состоянии навести порядок.

Вся эта мышьяная возня вокруг транспортной магистрали с пафосом указанной на двухкилометровой карте как «рокадная дорога», напоминала сумасшедший дом.

Полнейший кавардак, великое столпотворение, бесконечная сутолока и жуткий разброд со смертельными шатаниями.

Если сказать по другому, полнейший беспредел.

Примите, как данность, что в то время до 90% всех перевозок осуществлялось гужевым транспортом. Лошадей ценили и берегли, как зеницу ока.

За потерю гужевой силы по головотяпству можно было легко загреметь под военный трибунал. Дальше в штрафную роту. А там и погост был уже недалече.

Так что за лошадьё глаз да глаз был нужен. Как говаривали служивые: «Себя обдели, но лошадь накорми».

Представляете, как обустраивалась гать для прохода минометных двуколок? Колеса тонули в болоте, лошади проваливались по брюхо. Поэтому солдатам всей миномётной ротой приходилось впрягаться в упряжки.

Минометные ящики и мины ворочали руками. Тянули-тягали, перетаскивали, укладывали до изнеможения. До тошноты. Ажо ноги не держали. Подкашивались.

Строительство гатей выматывало и забирало все силы без остатка. Красноармейцы были в сношенных донельзя ботинках с обмотками, в порванных шинелях.

Над их головами постоянно висела туча комарья, гнуса и мошкары. Сильные плечи были покрыты не просто волдырями, это была кровавая расчёсанная до человеческого мяса язва. Над сильными плечами был рай для кровососущих. В постоянной работе рукой её не смахнёшь и почесать возможность не представится. Жуткое чесалище. Люди не могли постоянно отмахиваться, потому что сразу следовал окрик позади идущего человека. Ведь на плече их руки придерживали тяжеленное сырое бревно.

Если солдат поднимал опущенную, набыченную голову, то был виден блеск глаз, полуоткрытые губы и упрямая маска

на лице. Это было нормально. Значит, жив-здоров курилка. Непременно, и в этот раз, выдюжит.

С него станется.

А когда, во время дождей механизированная и конская тяги застревали и вставали напрочь, всё перемещение тылового имущества и боеприпасов компенсировалось солдатским горбом.

В таких случаях чертыхаясь и матерясь, вдоль дорог по щиколотку в грязи брели колонны солдат с навьюченными на себя поклажами. Измождённые, голодные, грязные с головы до пят, некоторые с обвязанными проволокой ботинками несли на себе не только всё самое дорогое для боя и особо ценное трофейное имущество своего начальства.

Те ещё подонки были некоторые командиры. На крови обогащались.

Просёлочные дороги немцы минировали. И даже, бывало, неоправданно мощными фугасами. Все подводы, груженные имуществом, продовольствием, медикаментами, боеприпасами старались двигаться строго по колее.

Но, однажды, один из повозочных выехал из колеи на несколько сантиметров, и сразу же раздался взрыв-сработала мина. Когда грязь опала, а сизый дым рассеялся однополчане не смогли найти ни самого бойца, ни его винтовки. «Не оказалось на месте и передней части повозки, а половина лошади, её передняя часть, какое-то время ещё продолжала стоять на ногах, трясясь в конвульсиях...»

Обеспечение боеприпасами, как правило, было никудашным. И переизбытка мин никогда не было. Если снабженцы не перепивались в тылу и своевременно отыскивали расположение нашей роты, то все требуемое доставлялось повозками по назначению.

Ну, а если не случится, то не обессудьте. Своя шкура ближе к телу. Приходилось мудохаться на остатках. Конечно с большими рисками для себя. А там, через мать вашу перемать, глядишь, и обоз поспевал. Но гарантий по исполнению поставок боеприпасов никаких не было.

Хоть кол на башке теши этим алкоголикам-тыловикам у них всегда была своя хата с краю.

Пёхом же топать по дорогам, лесам да болотам было нелегко. Счастливчики, обладатели кирзовых сапог имели значительное превосходство перед красноармейцами в ботинках с обмотками. В постоянной влаге ботинки через пару месяцев разваливались. Доходило до того, что привоза новой обуви не было, а старым наступал полнейший кирдык.

Некоторые сердобольные офицеры по жалости определяли босоногих людей поближе к интендантской работе. Те безропотно ожидали, пока не подвезут снятую с убитых обувь.

Но и соучастия у солдат друг к другу не было. Если только сочувствие. Каждый занимался своей амуницией самостоятельно. Ведь на кону стояла их собственная жизнь. И куда ты побежишь босоногий по буеракам да сухостою со своими

сентиментами и печалью, но босой в атаку?

– Ну, ну, попробуй, – подивятся солдатики.

Молодой водитель полковой полуторки ефрейтор Николай Бегитов был родом из Байситово, что рядышком с Кечёвом, между Сарапулом и Агрызом. На фронтовых дорогах он наколесил немало, поэтому ловко крутил баранку своей машины.

Однако, дождь не унимался.

Дорога была наисквернейшей. Вся пыль, в хорошую погоду взбитая до состояния пуха, сейчас превратилась в сметанообразную жижу. Она растеклась по твёрдой поверхности земли, что находилась под нею. Продвигаться было крайне сложно.

Мы добирались до штаба полка по окружной дороге. Так считалось лучше, сюда не дотягивалась своими обстрелами вражеская артиллерия. Однако, на фронте дороги везде были одинаковыми.

Полуторка ползла с трудом. Мотор то лихорадочно завывал на максимальных оборотах, то захлёбывался от недостатка топлива в камере сгорания. Колёса то и дело буксовали и прокручивались. В такие моменты в кузове пахло жёванной резиной. Иногда машина цеплялась за твёрдое основание, её резко дергало и она потихонечку, полегонечку рывками, но шла боком. Потом её окончательно стаскивало в кювет и нам приходилось вылезать, чтобы подтолкнуть её, пока не завязла окончательно.

Полуторка маленькая машинка. Всем взводом мы легко поднимали её «задницу» и вставляли в нужную колею. Но сейчас нас было трое. Поэтому мы встали с краёв кузова, поближе к задним колёсам. Это чтобы шмотки грязи от пробоксовки не ударили в грудь. На раз-два-три, все разом поднатужились и враскачку вытолкнули из капкана свою многолошадную машину.

Но в любом случае примерно каждые пять-десять километров приходилось останавливаться, в зависимости от напруги, которую брал на себя слабенький мотор. В радиаторе закипала вода.

Накрывшись плащ-палатками мы стояли, курили свои самокрутки и лениво переговаривались. Дорога убивала хорошее настроение.

Бегитов Коля, как правило, ходил возле своего автохозяйства, бил сапогом по покрышкам, садился на корточки и монтировкой стучал по рессорам. Забросив в угол рта «козью ножку» угрожающе вещал на шофёрском жаргоне, что «задний мост откатывать придётся», «гук-скоро кончится», «коренной лист уже готов», «пять раз уже дифером цепляли», «подшипник на бандрате накрылся», «масла впритык будет», «мотор так запорем», «старшина, сволочь опять весь ЗИП зажал и водки требует за каждую единицу, мерзавец».

Нам было не понять его обеспокоенности. В любом случае на душе становилось уныло и тоскливо.

В другой раз тряслись мы в такой же полуторке. Надо бы-

ло побыстрее доставить боеприпасы с тыловых складов. Поизрасходовались.

На дорогах колеи ужасные, мотало туда-сюда. Разбитые танки и пушки стояли по обочинам.

Девушки-регулирующие махали флажками.

Густая пыль в воздухе проникала в уши, ноздри, глаза. В облаках пыльной взвеси сновали автомашины и повозки, грохотали трактора и танки, ржали лошади.

Кто-то куда-то шёл пешком поодиночке или в колонне по одному с краю, по обочине.

В любом случае, дорога завораживала. Становилось понятно, что этот хаос-обособленная и дистанцированная от фронтовой реальности галактика. И существует она по одной ей известным законам, сама по себе.

Бань в достаточном количестве не было. А солдат, между прочим, половину своей жизни проводил во влажных и грязных землянках. Ему постоянно приходилось ползать. Все время что-то рыть, копать, тащить и перетаскивать. В конце концов тонуть и плавать в болотной жиже.

Конечно, все красноармейцы были чумазыми с головы до пят. Грязные дистрофики с опухшими от голода рожами, без должной бодрости и выправки. Жалкие фигуры некоторых бойцов выражали лишь отчаяние.

Выглядели солдаты, как последние недоноски. Дрыщи поносные. Дивизионные прачки стирать им не успевали. А самому бойцу было не с руки. Вместо мыла в бочках, привози-

ли жидкую щелочь. Её по братски делили между собой и разливали по ведрам. Но эта субстанция слабо походила на моющее средство.

Но зато наш комиссар в белоснежном полушубке, безразлично смотревший на наши скелеты, был всегда сытый, румяный постоянно слегка навеселе. Он был невероятно чистеньким, опрятным и даже не снисходил до разговоров с нами.

Политработнику было запахло тратить нервы на солдатское скотосырьё для «передка». Поэтому властелин идеологий никогда не ругался, не кричал, а берёг драгоценное здоровье для послевоенной гражданской жизни. Всё его общение ограничивалось тёрками о морально-волевых и только в штабе.

Мы для него были никто, и звать никак.

Бойцы сплошь и рядом были завшивевшими. Блохи и сами вши были чрезвычайно голодными, как и сами солдаты. Но, в отличие от нас, очень злыми, прожорливыми, кусачими и прыгучими. Набравший дармовой энергии кровосос прыгал на расстояние в 30 раз превосходившее длину своего тельца. Аж зависть брала. Вот бы и человеку так. Спокойно через 25-ти этажный дом можно было бы перемахнуть. Не говоря уже, что от пули убежать.

Смех смехом, но приходилось терпеть, даже сквозь слёзы.

Лекарств от изъедавшей солдат и поедом их евшей заразы не было. Дезинсекцией приходилось заниматься самим. Постоянно чесавшееся от укусов тело натирали золой. Обманка

была такая. После втёртой в живую плоть золы чесалось уже не тело в месте укуса, а само расцарапанное естество, но уже на большей площади.

Раздевшись догола, кровососущих насекомых тварей поджаривали или пропаривали прямо в одежде на костре. Жирных ленивых гнид вылавливали просто руками. Но надолго эта процедура не помогала. До сих пор помню щелчки раздавленных между ногтями больших пальцев жирных и бесмертных гнид. Сочные, упругие с лопающимся хрустом, словно звуки от пробки вылетающей из горлышка пузырька.

Но после очередного боя всё повторялось заново. Педикүлѐз был по определению составляющей Красной Армии (думаю, что и у немцев ситуация была не лучше).

Брюшной тиф врачам удавалось вылавливать в зародыше. Да и как он мог распространиться, если солдатик жил от боя до боя. А там незаметно и конец наступал. Поэтому больные заразу по эстафете ну, никак не могли передать.

Одно слово лучше живые и со вшами, чем в земле и с червями!

Но нелегка была участь солдата. Огромный, равнодушный мир войны наваливался на него и беспощадно подминал. Казалось, что ещё чуть-чуть и он уничтожит оставшихся в живых своей безмерной колоссальной прожорливостью.

Незаметно, но многие становились тенью от самих себя. Наступало безразличие ко всему. К приказам, к жизни, к смерти, к обеду и гибели друга. Ко всему. Уже не хоте-

лось горяченького супчика, тёплой землянки, покоя. Возникла рабская покорность к существованию или не существованию. Напрочь стиралось ощущение времени.

Вся жизнь измерялась командами от приказа до приказа. Становилось совершенно безразлично, какую команду выдает начальство из своего тёплого блиндажа. И куда пошлёт. То ли в лес по пояс в снегу, то ли в болото в арьергард, то ли сопровождать убиенных до погребальника, что в двух километрах от «передка».

В солдатскую голову забиралась понурость, серость и безысходность. Возникало полнейшее равнодушие к жизни и к себе любимому.

В свою очередь зима 1943 года потихоньку загнобила осень.

Новгородская осень всем надоела и удручала основательно. Бесконечная промозглая сырость, тяжёлые туманы, непрерывно лившийся с небес холодный дождь. Тёмная, беспросветно мутная и тяжёлая пора.

Новый же природный образ был для нас не лучше. Беспрерывный сверхтруд утяжелился на морозе в разы.

Пришла сверхтяжесть.

Свирепый и беспощадный зверь сожрал другого хищника, послабее. Он был белым, сыпучим, сверкающим и, вроде, красивым снаружи. А для нас обжигающим ноздри, разрывающим складки на губах, мгновенно обмораживающим руки вне рукавиц.

Плевок, бывало, застывал прямо на ветру, в полёте.

Зима стояла на редкость суровая. Доходило до минус сорока градусов. Холод пробирал до костей. Спасу от него не было. Зубы самопроизвольно чакали, выстукивая непрерывную дробь. Тело «горело» на морозе. Пальцы рук, ноги беспощадно мёрзли, а у многих были отмороженными.

Но рано или поздно морозы уходили и на смену им, приходила сырость. Это дули влажные ветра с Балтийского моря.

В сочетании с влажным климатом одежда сначала сырела, а на морозе быстро застывала и превращалась в негнувшийся футляр, будто из камня. При резких движениях и наклонах он лопался, оголяя тело, которое от жуткого мороза и укусов вшей непрестанно чесалось.

Люди мерзли всегда и везде. В любое время года. Часто простужались и постоянно кашляли. Но болеть было некогда, негде и смертельно опасно. Мы же ночевали на открытых продуваемых сквозняком полянах. В сырых и холодных земляных норах.

И погода не радовала. То ветер, то метель, то дождь, то дождь со снегом.

Вытаскивая миномётное хозяйство из снега, помогая лошадям бороться со снежной дорогой, приходилось и нам самим впрягаться в упряжь, как парнокопытным.

От вожжей, впивавшихся в плечи и грудь, кожа с непривычки лопалась и открывала язвы до мяса. На шее появля-

лись кровавые болячки.

Ноги гудели от усталости и в них, от постоянной сырости появлялась болезненная ломота, как у ревматиков. Сушить валенки было негде, да они и не успевали просыхать возле буржеек, что стояли в утеплённых землянках, блиндажах.

Кожа на обмороженных руках слезала лохмотьями и крошилась. Рукавицы из шинельного сукна не спасали, а шерстяные вязаные варежки из дома водились лишь у избранных.

При напряжении, тяжёлой работе, движении в шапке ушанке было нестерпимо жарко, но стоило привязать кверху её лоскуты, как тот час отмерзали наши уши.

От напряжения и мороза глаза постоянно слезились и в них появлялась резь.

В животе постоянно что-то жулькало и возмущалось. От мёрзлой пищи и ледяной воды за рёбрами появлялась тупая боль. Люди постоянно отваливали в сторонку продрисаться. После очистительной процедуры сил становилось ещё меньше.

Физическая и душевная солдатская моченька выматывалась окончательно, силы, как никогда были на исходе.

Но в санбат забирали только тогда, когда от температуры боец терял сознание. Спасали его только теплом, да разными прогреваниями, компрессами. Если случалось двустороннее воспаление лёгких, или не дай бог открывался привезённый с гражданки туберкулёз, это был гарантированный приговор.

Профилактика у нас была одна. На мизинец наковыривали стружку с хозяйственного мыла и смазывали изнутри ноздри. Противно, но пихали и в рот. Дезинфицировало и, честно скажу вам, что помогало.

Все измучились, но ждали несусветного и миллион раз желаемого. И когда же, когда же, наконец-то в мироздании фронтового противостояния забрезжит маленькая трещинка, извилинка надежды на благоприятное окончание войны?

Летом месиво комаров, мошкары заживо съедало людей. Возле болот лес был хилый, гниющий. По большей части еловый да берёзовый. Но и в трёх соснах кровососущих тварей были миллионы.

Дикие утки не боялись войны и были везде. Даже на небольших лужах, в озоринках.

Воздух был постоянно удушливо-парной, напитанный сероводородом болота. У кромки болота от него даже подташнивало. Склизко было в глотке и голосе.

Болотная трясина, грунтовые воды, влажная, рыхлая земля не давали выстроить настоящие оборонительные редуты, окопы, блиндажи. Чтобы иметь какое-никакое укрытие над головой, обычно втыкали колья, делали из жердей стенки и забрасывали внутрь болотную грязь. Снаружи хлипкое убежище маскировали мхом, ветками, лапниками ели.

В сырую погоду спать можно было только на верхних этажах двухъярусных нар. Во всех вырытых сооружениях постоянно держалась вода, которую надо было постоянно вы-

черпывать пустыми банками из-под трофейной тушёнки.

По ночам в темноте землянки, когда требовалось что-либо написать домой, или прочитать письмо из дома жгли телефонный немецкий провод. Был он очень вонючим, сильно коптил. А поутру приходилось долго отхаркивать из горла черную слизь. Но бойцы не роптали, а мучения с ночным времяпрепровождением воспринимали, как данность.

Опять же, сами понимаете, что при прямом попадании мины в хлипкое солдатское жилище, скопище бойцов гарантированно становилось братской могилой.

В случае длительного затяжного боя солдаты выползали на маломальский островок или кочку и по необходимости «малую нужду» справляли тут же. А ежели случалась «большая нужда», использовали саперную лопатку или хвойный лапник. Заворачивали драгоценное как бы снизу и сверху. Отбрасывали как можно дальше, если получалось отбросить.

Занятая нами территория, пусть даже на короткое время, воспринималась как родное подворье. Её старались очеловечить и обжить побыстрее. На месте дислокации устраивали настоящие туалеты из жердей и веток. Грунтовые воды заполняли выгребную яму почти до края. Поэтому строительство не всегда было оправданным.

Как правило, проблемы наступали с приходом нового пополнения. Прибыв из глубокого тыла, те считали, что оправиться можно чуть ли не под каждым кусточком. Гадёныши.

Все зависело от ротного. Наш капитан был образован-

ным и правильным мужиком. Предупредив старшОго, убывал в штаб, а мы, три взводных лейтенанта, отправлялись как бы на переучет боеприпасов.

Бывалые бойцы вылавливали засранцев и дристунов, загоняли в солдатский круг. Бесшумно, безо всяких шуток, со злобой «старики» смачно лупили молодых бздёшников керзачами по заднице. Я бы даже сказал с остервенением и с большим удовольствием.

От мощных и болезненных пинков те выли, орали что-то про справедливость, обещали отомстить или стукануть куда следует.

До кого доходило быстрее, тот скоренько испарялся из круга. Особо твердолобых и непонятливых могли бить до бессознательного состояния.

Зато в нашей роте был образцовый порядок насчёт гигиены. Даже ведро с моющим средством было обязательным возле туалетов и походной кухни.

Но уже через пару месяцев всё повторялось заново. Прежние «старики» покоились в братских могильниках, а бывшая молодежь учила уму-разуму новое пополнение.

Никому не было позволено прервать этот бессмысленный фронтовой круговорот привычек в солдатских буднях.

Все солдаты жили в то время впроголодь. Во фронтовых журналах упоминается: «...Три бойца опухли от голода, а в санбате лечить от истощения нечем...» Пропитание централизованно не поступало. В Ленинграде был голод, в цен-

тральной России жуткие бои. На юге плодородные чернозёмные угодья топтал немецкий сапог.

Все ожидали сибирскую помощь. Да когда эти эшелоны ещё доползут до северных границ. А там уже следующая проблема встанет с подводами и горючим на полуторки.

Короче, жри солдат манну небесную если сумеешь ухватиться за краешек горбушки и не помрешь в бою.

«В результате отвратительного снабжения продовольствием, каждая часть, или подразделение выделяли на поиски еды своих добытчиков. Они рыскали по всей округе и создавали невыносимую обстановку, папахивающую мародерством...»

Местные из деревень, бывало, захаживали к нам подкормиться. Житуха у них была далеко не сладкая. Одним словом, существовали на подножном корму.

Обычно по вечерам в расположении роты появлялся упитанный парнишка лет четырнадцати. Юродивый хлопчик был немножко «с приветом» и, скорее всего, имел сахарный диабет. Иначе откуда у него в голодные годы румяная припухлость?

Мы даже погоняло ему приклеили-«Пончик». Солдаты его подкармливали. Он с удовольствием общался, поддерживал разговор. Делился незамысловатыми житейскими проблемами.

Но, однажды, бойцы заметили его исчезновение. Два вечера, как не появлялся Пончик.

Хмурый утром в расположение части предстал взору ездовой из штаба. Он был верхом на лошади. Склонившись из седла над часовым, о чём-то пошептался и плёткой указал на ближайший чапыжник у соседнего болотца.

Сквозь кустарник мы еле-еле продрались до указанного места.

От увиденного зрелища бывалые бойцы впали в ступор. Ни говорить, ни шевельнуться и глаза-то поднять было страшно!

На лужайке лежал обнажённый Пончик.

Голова его была запрокинута, а руки, скорее его кости, были вытянуты вдоль искромсанного туловища. Как бы это, помягче сказать? Скорее так: «На лужайке лежал освежёванный Пончик». С его тела была срезана вся мышечная ткань. На ногах, руках, спине были видны только белые кости, мяса не было. Из вспоротого живота кишки были разбросаны по соседству. В его утробе отсутствовала печень.

...В части эпизод с каннибализмом быстренько замяли. На информацию особый отдел наложил гриф «Совсекретно». С нас взяли расписку о не разглашении «военной тайны». А вскоре и вспоминать уже было некому.

Что касается останков Пончика, то мы их тогда быстренько, без всяких следов захоронили на краю поляны. Возле кусточков.

А что до людоедов, то их в самом Ленинграде были тысячи.

Все тогда знали, что покупая пирожок с мясом, надо внимательно следить за его содержимым. Вдруг там обнаружатся косточки или ноготки ребёнка.

Если мыло плохо мылилось то первое, что приходило в голову: «А не из человечинки ли сварен, сей обмылок?»

А. В. Суворов, начинавший военную карьеру военным снабженцем, говорил: «Всякого интенданта через три года исполнения должности можно расстреливать без суда».

На фронте, особенно в паузах между боёв, курево становилось своего рода развлекловкой. А как иначе скоротать однообразие будней. Вот и садились в кружок служивые. И покатались разговоры. Байки, шутки, воспоминания. Случалась и сентиментальность.

Табак становился неотъемлемым атрибутом солдатского быта. Можно было лишиться обеденной пайки, но курева ни-ни. Весь Северо-западный фронт за неделю потреблял не менее 70 тонн махорки.

Но перебои с поставками случались регулярно. Когда страсть по куреву изматывала всю душу, крутили в «козью ножку» солому. Крошили всякие сухие листья: дуба, осины, клёна, берёзы.

А что делать, как дети малые не могли без соски. Особо подходили для сигарки листья клёна.

Но всё равно мерзость. Тьфу!

Что касается водки. «Ворошиловский паёк», либо «наркомовские 100 грамм», эти термины укрепились в армии ещё

с Финской войны. Постановлением от 22 августа 1941 года №ГКО-562с Сталин установил выдачу 40 градусной водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцу и начальствующему составу войск первой линии действующей армии.

Водку развозили по фронтам в железнодорожных цистернах, по 43—46 штук в месяц. На местах железнодорожных станций её переливали в бочки или алюминиевые молочные бидоны. А далее отправляли по частям и подразделениям.

В дальнейшем дозу увеличили до 200 грамм, но только для тех, кто был на переднем крае и вёл наступательные бои. Остальным по 100 грамм и только по праздникам, например к Первомаю.

И понеслась пьянка на войне...

В дальнейшем с 3 мая 1943 года массовую ежедневную выдачу водки личному составу резко ограничили. Только с разрешения Военсовета армии наступающим, а всем остальным только по праздникам.

В мае 1945 года после победы над Германией выдачу водки отменили вовсе.

Всё же была у нас связь с мирной жизнью. С 1942 года при постановке на учет и довольствие при штабе дивизии все оформляли денежный вклад в кассе Госбанка.

На первой титульной странице книжицы было крупно указано: «Вклад завещан...» В эту графу, как правило, солдат указывал фамилию жены или матери. На второй страни-

це был указан номер полевой почты и полевой кассы Госбанка, номер вкладной книжки, Ф. И. О. Подписывали вклад начальник кассы Госбанка, главбух и вкладчик, т.е. сам боец.

Платили за звание и должность. Плюс выслуга и боевые. Солдатам 10 рублей, лейтенанту 200 рублей в месяц. Снайперу-ефрейтору за первые 2 года 30 рублей в месяц, а если выживет, то по третьему году 200 рублей в месяц. Особые премии начисляли за подвиги и проявленное мужество.

За особо опасные военные специальности платили больше: сапёры, артиллеристы прямой наводки, ротные миномётчики и др. Мы все гвардейцы получали по двойному окладу.

Но раненному солдату платили уже 8,5 рублей в месяц, а офицеру ничего не оплачивалось.

Значительную часть переводилась в Фонд обороны и на покупку облигаций военного займа, который по срокам должен был быть погашен аж в 60-е годы.

Наличные не выдавали. Оформлялся денежный аттестат, который отправлялся домой и обналичивался уже по месту жительства завещателя.

Обмана с начислениями не было, бумага все стерпит. И бойцы, убаюканные системой, с теплотой лелеяли мысли об отчем доме, женах и детях, до которых должна была прийти их материальная помощь.

В то время все безоговорочно верили, что даже после их смерти причитающееся довольствие придет по адресу.

Не понимал я ещё тогда, что с государством шутки плохи. Запросто могло «поматросить и бросить». Но это же потом. А до того времени ещё дожить надобно было.

Кстати на оккупированной территории немцы рубли не отвергали. Они были в таком же ходу, как и рейхсмарки. В концлагерях румянощёкие барыги считали за честь отоварить продуктом за надежный советский рублик.

Особо дорого платили за ценную свежевырезанную человеческую печень какого-нибудь олуха царя небесного.

В армии тогда существовала система Военторга и его передовой авангард-это автолавки, работавшие с частями передней линии.

Их обычный ассортиментный минимум: открытки, конверты с бумагой, карандаши, зубной порошок и зубные щётки, кисти и лезвия для бритья, расчёски, зеркала карманные, нитки, иголки, крючки, петлицы, пуговицы, кисеты, трубки и мундштуки, погоны, звёздочки и эмблемы.

В штате каждой числился продавец-разносчик, который мог доставлять товары на «передок».

Ещё были посылки от населения с товарами повышенного спроса с фиксированной ценой. Они особенно охотно раскупались красноармейцами. Всё-таки это был привет из мирной жизни.

Чтобы вы понимали ценность тех денег, приведу примеры некоторых расценок и зарплат.

Средняя зарплата в годы войны в промышленности со-

ставляла 573 рубля. У шахтёров-729 руб., у металлургов-697 руб., у инженеров-1200 руб., у совхозников-150 руб., у колхозников за трудодни натуральные продукты сельского хозяйства.

Цены на рынке выросли в 13 раз против довоенных. Не то, что костюм, еды не купишь. Бутылка водки от 400 до 800 руб., буханка хлеба от 200 до 500 руб., картошка-90 руб. за килограмм, самосад (махорка) – 10 руб. за стакан.

Для своих потомков, живущих в двухтысячных, объясню, как надобно будет получить не выплаченные, но причитающиеся деньги семье солдата, офицера. Объясню пошагово.

1). Поднять документы, подтверждающие прямое родство с военнотружущим

2). Запросить архив Министерства Обороны о фронтовой биографии прямого родственника

3). Обратиться с заявлением в отделение банка, где хранятся вклады погибшего, или пропавшего без вести родственника (подскажут по справке в Госбанке)

4). Произвести начисления с учётом процентной ставки. На денежный вклад воина начислялся процент 2% годовых. В будущем с 1993 года % будет исчисляться в размере ставки рефинансирования.

Порядок в кассах Госбанка был достаточно налажен и проблем с отысканием причитающихся сумм, быть не должно. Но, тем не менее, готовьтесь к длительному «бо-

данию» с кредитным учреждением в судах. Таковы условия игры.

Мы воевали, а вам денежки-то кто захочет просто так отдать? «Если погибнете, то и правду искать будет некому», — рассуждало государство.

Но так не бывает, чтобы после войны справедливости не было. Потреплете себе нервишки. Но твёрдо уверен, что своей правды добьётесь во всех инстанциях!

Иначе, за что мы кровь проливали?

Бабы на фронте тоже бывали. Командиры верхнего эшелона власти, как правило, даже от майора и выше, случалось, таскали с собой походно-полевых жен (ППЖ). В дивизии такое не утаишь. Да и бойцы не осуждали вовсе.

Жизнь есть жизнь. В конце концов, все же люди. Женщины были в батальоне связи, медсанбате, роте химзащиты, полевой хлебопекарне, ветеринарном лазарете, почтовой станции, армейской прачечной, полевой кассе Госбанка. Конечно, крутили они романы, да в основном со штабистами и тыловиками.

Приходили в часть и залетные, местные. К таким выстраивалась очередь. Люди в тылу пухли с голоду. Поэтому деревенским бабам допускалось поддерживать себя на солдатских харчах. Их по-человечески жалели. Никто особо не ёрничал и не возникал по такому поводу.

В ту пору солдат жил одним днем и не ведал, доживет ли до следующего рассвета.

Петруха рассказывал

– Зенитчицы были бабы серьёзные, деловые. Хи-хи да ха-ха! Особенно была мне любя и симпатична одна белобрысая, перекисю крашенная Тамара.

Пришла она на свидание по договорённости.

Ну, вот мы, взявшись за руки, и побежали до ближайших кустиков. На войне каждое мгновение удовольствия на вес золота. Спускаю штаны и быстренько приступаем к делу...

Но вдруг начинается обстрел и прямо по нашей площади. Это проклятый фашист наводчик, углядел в бинокль сцену непорочной фронтовой любви. Завидно видимо стало ему, козлу! Вот и вдарили по нам всей силой своей миномётной батареи. Подлецы, фрицы.

– Петька-а-а! Скорей, в укрытие! – кричат товарищи.

Мне штаны натягивать уже не было времени. Проще было сорвать их. Так и бежал нагишом до своей траншеи. В одной руке портки, а в другой сапоги держал! Туда-сюда мудями тряс по ходу дела.

Да-да, так и бежал между взрывами, колебал своими прецендалами. Вот хохоту было у товарищей! А что до блондинки Тамары...

Собирали её красивое молодое тело всем взводом. Завернули, что смогли найти в драную шинелку убиенного бойца. Затем группа товарищей отнесла собранные останки на зенитную батарею. Ихний командир принял поклажу и поблагодарил за службу.

Её подружки, не скрывая слёз, плакали.

Раненый в голову Николка поддержал своей исповедью – Ох, и бабы здесь, в санчасти. Особенно одна, сестричка. Огонь! Витамин! Смотрю, сидит за занавеской, бинты крутит. Коленки развернула, а там ажно гланды видать!..

Устроились мы хорошо, возле кусточков на мягонькой травке.

Но, тыловая мразь, лодырь санитар нет, чтобы пройти десять шагов до воронки, вывалил за кусты, прямо на наши головы отбросы из операционной: кишки там разные, бинты кровавые, тампоны.

Сестричка глаза закатила, подвывает, повизгивает, ничего не видит, рычит. А у меня всю способность отшибло: под самым носом лежит отрезанная человеческая рука с оторванными пальцами, совсем свежая, и кровь из неё сочится...

Тык-мык-затык... Хотел в руки отрезанную плоть взять и отбросить. Но понял, что сам в крови запачкаюсь. Елозил, возился на сестричке, пытался от реальности абстрагироваться. Даже глаза свои закрыл. Одна хрень перед глазами видится, рука кровавая...

Так и сбежал из чапыжника за санчастью в полном «некончизме» и совершенно расстроенным».

Пулемётчица Олеся Василькова была 14-летней полковой «давалкой». Она никому не отказывала в близости. Добро и зло, грех и добродетель у неё всё было перемешано. Ей взрослые дяди-лейтенанты сказали, что надо быть в обяза-

тельном порядке «подстилкой» для солдат.

Что это для женщины во время войны героизм и даже больше, долг, честь перед Родиной.

Это был «приказ» старших по званию. Поэтому до её «пионерского» тела очередь из матёрых «кобелей» была нескончаема.

В то же время, когда по обоюдному согласию, в бане трое боевых офицеров отымели жену начальника контрразведки, то их просто... расстреляли. Не важно, что все были «ужраченные» и еб... я совершилась по глубокой пьяни

По фронтовой морали заглядывать под юбку к чужим ППЖ считалось развратом. И приравнялось к измене Родины! Вот так! Не твоё, не трогай!

На постое, местные деревенские бабы орали нашему санинструктору Галине Поляковой, ругались нецензурной бранью

– Знаем, знаем, чем ты там занимаешься сучка бл... ская! Спишь, еб... шся с нашими мужьями. Фронтовая бл... дь, проститутка, сучка военная!..

От беспомощности, обиды и унижения Галина плакала. А мы, в свою очередь, как могли её успокаивали. Но плевков в душу и нанесённое оскорбление в душе у санинструктора оставались надолго.

На соседнем, Калининском фронте воевал лётчик Иван Фёдоров. О его славе рассказал комбат Помыткин, подошедший из госпиталя и сражавшийся с летунами по соседству.

Не поверите, но лётчик Иван Фёдоров сбил 134 вражеских самолёта, в том числе 24 в Испании и совершил 6 воздушных таранов. Говорят, что преуспел в этом. Подкрадывался со спины к фашистскому асу и своим шасси разрезал тому обшивку крыла, нарушал тяги и лонжероны. Искусство воздушного боя, что тут скажешь?

А в начале июня 1941-го он, будучи в совсекретной командировке, за лётное мастерство получил в Германии от имени Гитлера Рыцарский Крест. Сталин же дал ему Звезду Героя Советского Союза за мировой рекорд скорости – 1000 км/час.

Широкой души был полковник. Дачу свою двухэтажную в Химках подарил детскому дому! Однако, были у него и простые человеческие слабости. Фёдоров прослыл великим гусаром, пьяным загульщиком, великим дебоширом и, особо, бабником. Поэтому коммунисты и «затёрли» его подвиги.

Одним словом «неформатный» был герой для коммунистического образа.

Однажды терпение Фёдорова лопнуло, и он вызвал на... дуэль, обидчика своей ППЖ. По случаю, та стуканула ему, что молодой лётчик из пополнения в порыве страсти пытался залезть ей под юбку. Дура. Все же понимали, что «сучка не взлает, кобель не вскочит».

Но...

– Со страху руки у того тряслись, поэтому он промазал.

Ну, а я срубил веточку берёзки над его головой.

Впоследствии, в воздушном бою погиб тот капитан. Но приходило другое пополнение.

И так за войну шесть раз!

Кто бы, что не говорил, а перед боем (перед смертью) «кувыркнуться» с вожаемой бабёночкой хотелось каждому солдату-мужику.

Поэтому, кто песни, байки и «лапшу на уши» навешивал, а кто-то втихушку самоудовлетворялся поблизости в непролазных кусточках, чтобы сослуживцы не дай бог подсмотрели.

Расскажу о весёлом. О фронтовой эротике.

Однажды по осени, рано утром в тёплую землянку ворвался наблюдатель Жора Полянский и громко, диким голосом стал будить сладко спавшую компанию боевых товарищей.

Разомлевшие, мы быстро вскочили, схватились за оружие. Посчитали, что немцы насели.

А Жорка дико хохотал и показывал на стереотрубу, что на НП. Мы поочерёдно стали подниматься на верхушку сосны по прибитым к стволу дощечкам. Каждый возвращавшийся, падал в приступе смеха и уступал место следующему.

Когда очередь дошла до меня, при двенадцатикратном увеличении я, поражённый, увидел нечто такое!..

Молоденькие санитарки из разместившейся неподалеку санчасти по очереди бегали в кусты на пописон. Девчачий

утренний туалет заволаживал.

Молодухи стирали бельё, развешивали под солнцем на ветках панталоны, белые трусы. Сразу можно было понять, что это были не обстрелянные ещё бабы, новобранцы из последнего пополнения.

У бывалых санитарок, да и по уставу полагалось так, что женщинам ничего особенного не предусматривалось. Всё нижнее бельё у них было такое же, что и у мужиков. Как правило, чёрные безразмерные трусы и бело-серого цвета кальсоны с подвязками внизу. И всё. Ни бабских эротических трусов тебе, ни панталон...

Видимо, Родина и за женщин-то их не признавала. Чего с ними было валандаться. Стерпят, приживутся в армии, сами «разрулят», как смогут, возникающую ситуацию с нижним бельём. А Родина тем временем на бабах сэкономит.

Что до женской гигиены...

Это был вопрос за семью печатями. Обычно, девчонки обвязывали талию вокруг пояса бинтом и закрепляли на крепкий узел. Сзади к нему, над пятой точкой, привязывали один конец уже другого бинта, а другой конец крепили к поясу под пупком.

Получался довольно надёжный перехват между ног. Ну, а в прокладку, прижатую посередине ног, опять же, можно было запихать, что угодно. Если подфартит, то вату, обёрнутую бинтом или марлей. А во время боёв, свернутый лоскут белья, сорванный с исподнего убитого красноармейца.

И не фыркайте, вы, гражданские. Вас бы, сытой харей, в мерзкое пекло войны на «передок». В окопы, заполненные после дождей грязью по щиколотку. Мы за своих девчонок горой стояли. Башку запросто оторвали бы за нанесённую им обиду...

Но сейчас, сняв чулки, трусы и лифчики они загорали голышом под жарким солнцем бабьего лета. Хохотали, гоняясь друг за другом колебали и мотали своими сиськами...

Одним словом, наблюдалась картина маслом, для молодого организма!

Однажды едем мы по дороге и видим, что санитарки расположившись в раскорячку, выталкивали из грязи свою полуторку с медикаментами. Старшина санбатного хоззвода орал на них матом. Чуть ли не под аппетитные задницы пинал, ирод.

А у них бедненьких, халатики поверх юбок задрались и всё исподнее наружу выставилось.

Машина сильно рванула и, как торпеда, из грязи выпрыгнула. Ну, а они следом за нею носами в самую грязь плюхнулись. Плашмя, лепёшками.

Не позавидуешь дамскому виду и «очарованию». И смех и грех.

А бывало всё куда интереснее и откровеннее.

Как-то проезжаем мимо на полуторке и видим, что у КПП (контрольно-пропускной пункт) солдаты щупают сменившихся с поста регулировщиц. Те трясут своими упругими

грудями. Делают вид, что, якобы, уворачиваются от нахальных солдатских рук и не позволяют жамкаться орёликам.

Но бойцы ещё дальше, под подол уже лезут. Смех, восторженные взвизги, крики ядрёных регулировщиц...

Ну и, засмотрелся на происходящий флирт Васька Самойлов. Прикурить захотелось ему, паршивцу. Засунул руку в карман шинели и, чтобы не копаться, вытащил вместе с кисетом гранату. Протянул его мне.

А в это время машину мотануло на ухабе. Случайно он и вырвал кольцо гранаты. Хорошо, что мы наблюдали за его руками и слышали характерный «дзынь» чеки. Боеприпас вылетел из его ладони на днище кузова и прямо к нашим коленям.

Все кубарем шарахнулись в стороны.

А Васька успел прыгнуть на неё кошкой и выкинуть гранату за борт кузова. При взрыве, у него же шансов спастись тоже не было. Тут же ахнул взрыв! А осколки ударили в задний борт полуторки.

Козёл Васька! На этот раз пронесло. Никого не ранило. Ну, а Василию пришлось навесить хорошего леща. Счастье, что не взорвались мины, которые мы везли. Иначе был бы грандиозный фейерверк с жертвоприношением.

Когда бойцы слушали трансляции московского радио, было обидно слышать, что на Северо-Западном фронте без перемен. Видимо Москва не ведала о реках большой крови, которую проливала Красная Армия под Старой Руссой.

Опять же, может быть, это мы так бестолково и неэффективно воевали? Хотя, старались и бились, как могли, с ожесточением и высочайшей жертвенностью.

Но позиционные бои позволяли иногда прочувствовать частицу мирной жизни.

На удалении 4—5 километра от передовой мы построили просторную землянку — «кинозал» на 25 — 30 человек. Киноустановку привозили по графику из клуба дивизии. Там мы впервые увидели картину «Александр Пархоменко».

Очень нравился солдатам киноактёр Борис Чирков. И его песня: «Любо, братцы любо...» И жить сразу хотелось, и дышалось полной грудью, и война уже не казалась такой страшной и беспросветной!

Чтобы бойцы имели возможность обсудить фильм, освобождалась ближняя землянка и в неё ставили самовар. Бойцы сидели на лавках, гоняли чифирь и обсуждали понравившиеся эпизоды фильма.

Как-никак просмотр кинофильма был для многих редким поощрением от командира.

Жизнь тоже брала своё. Любовь, нежность, веру в благоприятный исход люди видели в живых символах, братьях наших меньших.

У разведчиков из дивизионной разведроты в тёплой землянке жил раненый зайчонок. К зиме он подрос и убегал к ночи на волю в лес пощипать свежей ольховой коры. К утру возвращался и терпеливо ждал у входа, занаве-

шенного и утеплённого плащ-палаткой. Люди его запускали вовнутрь, и он забивался под нары. Его вытаскивали оттуда за уши и ласково грели на руках, слегка поглаживая и передавая друг другу. От страха он боязливо замирал, глядел немигающими глазами и... и не предпринимал ничего, чтобы сбежать. Кочин Кузьма с миру по нитке собирал для него все кочерыжки, морковки и очистки картошки.

У посыльного комбата, Афанасия жил ёжик. Шустрый и шептун по ночам и засоня в течение всего дня. Он считал себя хозяином утеплённого жилища и шумно топал по глиняному полу, когда обнюхивал углы. Питался он тем же, что и все мы офицеры, солдаты. Кашей, хлебушком, овощами. Если кто-либо ловил зазевавшуюся мышь, то её несли ёжику. Ёжик терпеть не мог, когда во влажный носик ему пускали струю табачного дыма. Афанасий за такое баловство мог и прикладом трёхлинейки по спине огреть.

У связистов в 517 полку жил голубь, который «пил чай». Ему дробили на блюдечке «головку» сахара, подмешивали хлебные крошки, а рядом ставили крышку от котелка с водицей. К потолку был привязан на телефонный провод на-сест. Когда голубю приходило в голову желание перекусить, он слетал к связистам и садился за их стол. Все чаёвничали. Радости бойцов и особенно девчат не было предела. А Катя Шестакова подкармливала его зёрнами пшена. Вот ведь дела, пшённой каши отродясь на столе не бывало, а мирная птица лакобилась желтыми зёрнами.

Зачастую солдаты подбирали раненных, либо с перебитыми лапами собак. Шансов выжить у них без человека не было. Врачевали их те же ветеринары, что доглядывали за нашим гужевым транспортом. Санников Пётр Порфирьевич был ещё тем звериным эскулапом. У него не забалуешь. У собак быстро всё, как положено на собаке заживало. Поэтому питомцы быстро приживались и влачили своё существование, разделяя тяготы войны с людьми. Одно только но... Те менялись периодически, однако четвероногие к этому ротационному человеческому конвейеру привыкали быстро.

Один снайпер, Кирьянов Гришка подобрал в лесу, раненого на растяжке лисёнка. Тот оклемался малёхо, подрост и ни ногой от него. Стрелок-меткач даже привязывать лису стал, когда уходил на задание. А лисичка тявкала ему вслед, обидевшись, сворачивалась за каптёркой калачиком и сутками лежала, не шелохнувшись, ожидая своего друга. Придя с «передка», снайпер пытался погладить её, а лисица не давалась и уворачивалась от ласки. Обижалась. Затем убегала поживиться в лес, но к утру обязательно возвращалась во-свояси.

В палатке дивизионного медсанбата жила парочка небольших, пёстрых котят. Котофеев звали Чук и Гек. Израненные бойцы наблюдая за ними, подыгрывали стебельком сухостоя и весело смеялись. А те без зазрения совести прыгали, бегали, крались на брюхе, шли боком, шипели, распушив хвосты, прыгали на месте всеми четырьмя лапами, сталкивались

в воздухе и валились на спину. Замерев, и поджидая друг друга, били хвостами. Раненые же улыбались. В них просыпалась тяга к жизни и это, было самое главное.

Широкая натура русского человека, его любовь к жизни, к прекрасной природе, к миру проявлялась даже на фронте. Становилось понятно, что добро обязательно победит зло, что свет сильнее тьмы, что в правом деле человек всегда будет побеждать звериное начало. При любых раскладах и вариантах жизнь всегда презирала смерть и была просто обязана побеждать её.

И люди наблюдали торжество жизни воочию. От увиденной человеческой добродетели хотелось жить и побеждать. И все начинали постепенно понимать, что победа обязательно будет за нами. А куда она от нас денется, Победа!

Из рассказов моего отца.

166 стрелковая дивизия, 517 стрелковый полк, 2 миномётная рота.

Командир 3 миномётного взвода, лейтенант Иван Петрович Щербаков (1923 г.р.)

Фронтowej лазарет со всеми отягчающими обстоятельствами

Убитых по-быстрому хоронили в братских могилах. Выкопанные ямы, особенно после дождей, сразу заливало водой. Поэтому трупы складывали прямо в болотную взвесь. Как правило, места захоронений были неглубокими. После жестокого боя мертвецов было тысячи и тысячи.

Воняющие тлетворным гниющим белком заливные луга с братскими могилами бойцы обходили стороной. Удушливый плотный смрад зловонного трупного запаха пеленой висел в воздухе.

Раненых было великое множество. После боя неисчислимые потоки покалеченных солдат встречали в медсанбате и сразу сортировали. Кто безнадежный туда. Кого еще можно подлечить сюда.

Тому, на кого еще была надежда, что выздоровеет, ставили укол морфия и противостолбнячной сыворотки. А кто был явно безнадежный, отправляли умирать на край поляны.

Ну, в смысле в сторону свежей ямы для братского погребения.

На войне не до клятвы Гиппократa. При дефиците лекарств чего было понапрасну тратиться? Ну, вы же сами понимаете.

Поверх операционных столов кровь даже не смахивали, не успевали. Алая лужа с ладошку толщиной сама скатывалась со стола в большую кастрюлю прямо под ноги хирургов.

Врачи и медсёстры в окровавленных и грязных то ли халатах, то ли рубищах стояли на деревянных крышках от соседних ящиков.

Наркоз был эфирный, да ещё когда заканчивался морфий, раненный, которому живую вырезали нутро или ножовкой отпиливали ногу, орал что есть силы благим матом.

Чтобы удержать его от буйства и завершить экзекуцию, на подхвате стояли четверо дежурных бойцов, которые менялись каждые полчаса. Обхватив конечности страдальца скрученными бинтами, они цепко удерживали жертву и не позволяли вырваться.

Глушили это варварство водкой или спиртом.

Если раненный не умирал от болевого шока, то после расчлененки его выносили в общую массу «выздоровливающих».

Других вариантов не было.

Рентгена тоже не было.

Чтобы найти осколок, хирургу надо было шарить в живом теле зондом или пинцетом. Можно было и просто руками. Обмывать и дезинфицировать ладони не хватало времени. Поэтому, «и так сойдёт». Конвейер должен был работать бесперебойно, безостановочно.

Ящик за ящиком оттаскивали санитары из-под стола отрезанные человеческие руки, ноги, пальцы, кости, куски плоти, органы и кишки.

Закапывали все это хозяйство поблизости. В неглубокой выкопанной яме. Но грунтовые воды подпирали «запчасти» наружу. Так и торчали из-под земли человеческие конечности.

Зимой прогнивший «фарш», вроде бы, не ощущался на запах. Летом же, это была невыносимая вонь с обилием мух и всякой другой ползающей, летающей кровопитающей-ся дряни.

Санработники валились с ног от усталости.

У врачей руки покрывались коркой из высохшей крови. Пальцы с трудом удерживали медицинские инструменты, руки костенели от постоянного напряжения.

На лице докторов наблюдалась постоянная хроническая усталость, а глаза выражали безразличие к происходящему.

Непонятно, как выдерживали медработники по двадцать часов в сутки изо дня в день. До обмороков.

И, какой человек, сможет выдержать этот адский и самоотверженный труд?

Лекарств катастрофически не хватало.

Перевязочный материал шёл по несколько кругов использования. Бинты снимали с умерших людей, отстирывали, кипятили, а высохнуть им уже не приходилось. Беспрестанная сырость. Да и очередь из раненных солдат всю подпирала

на перевязку.

Всеми признавалась неэффективность лечения. В медсанбате только и делали, что отрезали, вырезали, зашивали. Когда врач смотрел на бойца, даже будучи здоровым, человек сразу скукоживался. Ему казалось, что вот-вот, прямо сейчас ему что-нибудь отрежут, ведь вся обстановка эскулапов располагала к этому.

Однако жажда жизни у людей была неистребима.

Но, при отсутствии самого необходимого смертность от сопутствующих ранам болезней была колоссальной. Клиническая картина раненных солдат, не вызывала оптимизма.

Выжить в бою, это было ещё не самым главным.

Ещё более героический поступок надо было совершить, чтобы остаться в живых и уцелеть в медсанбате. Кровотечения, гангрена, сепсис, воспаление лёгких и инфекции толкали все новые и новые жертвы на край братской могилы.

Бывало, что после трёхдневного боя через дивизионный санбат проходило до тысячи раненных бойцов.

В таких случаях в воздухе постоянно витал тошнотворный тяжелый дух свежей крови.

Палаток не было. Накидок, тентов, одеял, покрывал, а тем более спальных мешков, соответственно, тоже.

Раненные бойцы притулившись, ждали своей участи прямо на земле. В лучшем случае, под навесом или на подстилке из веток.

Для сбора дерьма, каких-либо уток, специальных тазиков,

ведерок или клеенок не было.

Раненые смиренно и безропотно лежали в лужах из смеси крови и испражнений, опять же своих, смешанных с соседскими. Со вчерашними и, уже протухшими, позавчерашними.

Измождённые и обессиленные бабушки, а то и молодухи из местных выгребали загаженную взвесь прямо из под лежащих раненных. Собранное и дурно пахнущее месиво выливали в соседнее болотце. Так и воняло оно по соседству. Зимой меньше, летом больше.

Резиновых перчаток у сестричек не было. И в жару, и в холод рукава ободранных халатов были постоянно закатаны.

От щелочи и постоянной влаги руки были в глубоких трещинах. Если внимательно присмотреться, в глубине раны можно было разглядеть розовое и живое человеческое мясо. Странное дело, но ужасные трещины у них не кровоточили.

Несомненно, простые русские бабы переносили невыносимые страдания. По своей остроте физическая боль не уступала боевому ранению. Но слез у героических женщин уже не было.

Они же все были матерями. Поэтому, мокрота появлялась на щеках от жалости к умирающему желторотому солдатику, зовущему маму.

Если не зима, вокруг медсанбата зловоние стояло невыносимое.

Зелёные мухи сносили свои личинки прямо в загноивши-

еся раны, или прямо на окровавленные бинты изуродованных и искалеченных бойцов. Через несколько часов неподвижного лежания черви уже ползали по телу солдата, заползая в ноздри, уши, приоткрытый рот.

Если вовремя их не смахивали, то черви начинали выедать глазницы покалеченного человека. Если боец был без сознания, опарыши выедали ему глаза в первую очередь. А там и до кровоизлияния в мозг было уже недалеко.

От чего преставился солдатик, никому уже было не интересно. Помер и помер, служивый. Закопают в общем погребальнике, вышлют домой похоронку и снимут с довольствия. На этом завершалась ратная история героя войны. Или не героя, кому какая разница. Вычеркнут из списков, спишут со счетов, зато у других шанс выжить в медсанбате появится.

Всех раненых людей санработники старались группировать по диагнозу ранения.

У ельничка могли лежать с ампутированными конечностями. Из них кровь сочилась не переставая. Многие так и умирали от потери крови.

Под орешником укладывали бойцов с брюшными ранами и упакованными в бинты, как в корсеты.

Далее на досках от ящиков располагались «позвоночные». Поодаль, с забинтованными, как коконы, головами неподвижно покоились «черепно-мозговые»...

Большинство раненных солдат лежали на земле голыми.

Разодранные штаны, гимнастерки санитары взрезали и выбрасывали без возможности восстановления. Исподнее шло сразу на бинты и тампоны.

Летом тяжёлых прикрывали каким либо тряпьем. Так и лежали они в зловонном смраде. В самой гуще кровососущих. Бедняги смиренно ожидали своей участи.

Зимой из одежды прикрыть их было возможно только шинелками. Тёплых землянок катастрофически не хватало. Вовнутрь заносить-выносить раненых и умирающих становилось большой проблемой.

А, впрочем, других вариантов выжить у них попросту не было.

Где-то в конце мая 1942 года случился снег и землю подморозило. После боя раненных не успевали обрабатывать и сотни человек лежали на земле, на лёжках из лапника ели, на прошлогодней листве. Поутру большинство раненых окончено насмерть.

В преддверии зимы 1942 года была предпринята еще одна попытка перерезать Рамушевский коридор. Войсковая операция была безуспешной.

Болото и лес, настил и дорога к передовой были покрыты снегом.

Раненым, с поля боя до дороги в медсанбат еще надо было добраться. Некоторых раненых, везли повозками, другие бойцы ковыляли сами. По инструкции, в теории на одного тяжёлого надо четверых здоровых. С ума, что ли сошли?

В реальной жизни всё было наоборот.

Вот и тащили бойцы сами себя. С трудом волочили по сугробам и застывшей земле изувеченные и израненные тела с безжизненными конечностями. Частенько, просто на карачках.

В подавляющем большинстве своем раненные спасали себя сами. Других шансов судьба им не предоставила.

Кто-то уже в судорогах умирал в паре шагов от дорожной колеи. Бесчисленное количество трупов лежало на всех подходах к спасительной дороге, ведущей к медсанбату. Все искренне верили, что, если доберутся до заветного знахаря, то спасение будет неизбежным.

Так ли это было? Что-то сомневаюсь я шибко.

К концу дня это была уже не дорога, а окровавленное полотно трёхкилометровой длины, с окоченевшими трупами на обочине.

Раненому бойцу повезет, если с поля боя сразу отвезут в госпиталь. Но в полуторку входило всего четыре-пять тяжелых, а с подводами была вечная проблема.

В то же время, представьте себе на бездорожье многокилометровую колонну из санитарного транспорта. Сладенькая, беспомощная цель для немецких «Юнкерсов», не правда ли?

Поэтому тяжёлых санитарных складывали штабелями. Друг на друга.

А по ночам старались в бешеном темпе вывезти на подво-

дах в госпиталь, в тыл. Подальше от передовой.

Если повезёт и силы ещё есть, выживут. Здесь-то по любому никаких условий и быстрый конец неизбежен.

Сами понимаете, что после таких садистских мук, отсев в медсанбате был катастрофически громадным.

Но это была страшная и неизбежная правда войны.

Зубная боль, если случалась, могла любого поднять в атаку и бросить на амбразуру дзота. Адские страдания выдержать было не возможно.

А способ лечения был всего один-единственный. Это удаление больного воспалённого зуба. Новокаина тогда не было.

Больные орали так, что шишки с деревьев сыпались. Если страдалец трепыхался и буянил уж слишком сильно, парочка дежурных служивых крепко-накрепко удерживали больного на стуле. Чтобы не рыпался. Ни-ни!

А для них самих, костоломов, сотка спирта от врачевательей становилась не лишней.

Психологически лечить зуб было всё равно лучше нежели тебе без сожаления оттяпали бы ногу.

Но для избранных командиров, говорят, можно было, и подлечить зубы.

Электричество подавал дизель при дивизионном санбате.

В отгороженном уголке перевязочной стояло кресло а-ля парикмахерская. Для стоматологов и цирюльников кресла делал один и тот же завод.

Как на допросе в НКВД автомобильная фара слепила пря-

мо в глаза больному и выпаривала его вспотевший лоб.

А сама бормашина была создана на тракторном заводе с ремённой системой передач. Эта конструкция давала низкую скорость вращения бура и сильную вибрацию одновременно.

Сквозь витающий запах гноя и крови можно было сразу учуять запах горелой кости и палёного мяса с дымком. Из рта «счастливчика» можно было наблюдать курящийся парок. Это была микроскопическая костяная пыль, которая хочешь, не хочешь, а забивалась в ноздри больному.

Материал для пломб был недолговечным, изготовленным ещё по рецепту 19 века, поэтому пломба держалась всего-то несколько недель или месяцев. При удалении зубного нерва использовался мышьяк, тоже из 19-го века. Но больным «зубникам» от этой экзекуции было не легче.

Больной ноющий или зудящий зуб становился для солдата на войне настоящей проблемой, если не сказать больше. Трагедией! Смерти подобно, когда открывался свищ, неожиданно опухала надкостница или корень зуба срастался с костью челюсти. Опухоль разрезали снаружи, через щеку и долбили обычным, столярным зубилом. Обычным плотницким молотком. Долбили так, что за версту было слышно. Кстати, этим же самым «молотобойным» способом проводили и трепанацию черепа.

Однажды ранило взводного. Пришлось мне тащиться в санбатовскую палатку за картой двухкилометровой. Захо-

жу, а там ор стоит невыносимый. Два амбала держат за спиной руки у сидящего на стуле бойца.

В рот бедняге сбоку была вставлена фанерка, чтобы пасть свою не закрывал. А хирург, в свою очередь, попеременно то скальпелем, то ножницами с привязанной к их концам петлёй из нитки обычного троса подрезали в горле распухшие от воспаления гланды.

Видимо, по случаю эскулап зацепил какой-то кровоток. Из гортани вырвалась алая струя крови прямо на удерживающих горемыку бойцов.

Чтобы не видеть страшную экзекуцию, я схватил лежащую на столе планшетку, рядом с банкой из-под тушёнки доверху набитой окурками и скорее дёру из помещения.

Будучи в шоке от увиденного кровавого зрелища, трясущимися руками при входе я закурил с местными санитарями по козьей ножке. Те мне толково, обыденно объяснили, что у солдатика так и так не было никаких шансов избежать операции. Распухшие миндалины напрочь закрывали дыхательное горло и солдат мог, совершенно очевидно, умереть от удушья. Вот такая тривиальность на войне. Не от пули так от простуды можно было запросто откинуть кони.

От переднего края до медсанбата было далеко 3—5 километров, а кругом болото. Поэтому при ранении первую помощь санинструкторы оказывали здесь же, на передовой в блиндаже потеплее.

Да и что такое медсанбат? Там на 85 процентов работали

врачи-хирурги. У них одно лечение: или вырезать, или отрезать. Но всё равно, при ранении других вариантов у нас не было.

С 1942 года началась эра антибиотиков, в СССР синтезировали пенициллин. Но на войне мы его так и не увидели. Приходилось лечиться дедовскими способами или народными средствами.

Не поверите, но на обширные и рваные раны накладывали хлопчатобумажную ткань, смоченную в растворе... обычной поваренной соли.

Раненные орали благим матом, но это поголовно помогало избежать гангрены. На третий-четвёртый день рана становилась чистой. Если у солдата был ещё перелом, тогда сразу после снятия солёной повязки раненную руку или ногу гипсовали и пациента отправляли по-возможности в госпиталь. Нужна была всего одна чайная ложка соли на стакан кипячёной воды.

Солевая повязка обязательно должна была быть «дышащей». Солевым раствором поглощал жидкость из раны, оставляя нетронутыми эритроциты, лейкоциты и живые клетки крови и тканей.

Когда не хватало крови, солдатам переливали... морскую балтийскую воду, которую привозили в бочках. Процедура была популярной и действовала очень успешно, потому что крови не хватало всегда.

Солевой раствор морской воды содержал практически

всю таблицу Менделеева и был близок по составу к человеческой крови.

Морская вода активизировала все человеческие процессы, протекающие в организме, укрепляла иммунитет и помогала ему бороться с возбудителями различных заболеваний.

Минералы в ней содержались в ионизированной форме, поэтому она оказывала ощелачивающее действие на организм, что положительно сказывалось на состоянии здоровья.

Однако, шутить с этим было нельзя. Процедура годилась лишь на очень короткое время.

Парафин применяли при отёках после ранений, при долго не проходящих язвах, при поражениях периферических нервов, при гнойных ранах и свежих переломах.

Методика была такова.

После обработки раны спиртом и йодом кисточкой наносили разогретый парафин. Сверху накладывали бинт, повязку, также пропитанные парафином. Это позволяло оказывать продолжительное и глубокое тепловое воздействие на кожу, мышцы и близко расположенные внутренние органы. Тепловые процедуры оказывали болеутоляющее и противовоспалительное действие.

Обречённые раненные скулили втихушку и с надеждой смотрели на необычную повязку. Врачи им втолковывали, что капилляры должны расшириться, улучшится кровообращение, активизируется обмен веществ, кости срастутся

быстрее, а раненные нервы стянутся.

Раненым оставалось только верить и надеяться.

Разорванного, раненого бойца с болевым шоком укладывали так, чтобы голова была выше тела.

Здесь же на «передке» рану обезбаливали с помощью хлорэтила.

И только в санбате была возможность применить эфир и хлороформ.

В любом случае, это были садистские манипуляции. Часто со смертельным исходом. Но шанс остаться в живых всегда оставался.

Матросы из ленинградского пополнения принимали Балтийский чай, это специальный такой «окопный коктейль». Дурные навыки не забылись ещё у некоторых с Первой мировой войны и подавления мятежа в Кронштадте.

Могучая гремучая смесь спирта с «марафетом» (при наличии кокаина) давала возможность не спать сутками. Не знать усталости. Штурмовой роте без страха идти в атаку, штабисту сутками корпеть над картами, разведчикам накручивать по тылам противника километры. При его использовании практически не ощущалась боль.

Если «нюхара кокс» имелся в наличии, его, по возможности, использовали даже в качестве анестетика при хирургических вмешательствах.

По приказу командира, иногда, солдат поили отваром мухомора. Этот настой обладал возбуждающим действием

на центральную нервную систему и помогал бороться с усталостью, страхом.

Перед боем для бодрости любые средства были хороши. А выживет ли солдат, далеко было не ясно.

По сговору с командирами, в санбате могли выдать концентрированные амфетамины. При наличии, неприкосновенный запас (НЗ) держали на «крайняк». Это разведчикам, танкистам, бронебойщикам.

Амфетамины вызывали прилив сил, повышали работоспособность, снимали усталость и повышали бдительность.

Но была и другая сторона медали.

После времени их действия терялся аппетит, учащалось дыхание, могла возникнуть депрессия, апатия с отягчающими последствиями. При наличии оружия, это было очень опасно.

От заразных венерических болезней в медсанбатовском ларьке среди прочих зелёнок, йодов и мазей предлагались УПРХИМПРОМовские презервативы. В пергаментной бумажной упаковке их находилось целых две штуки. А на титульной стороне пакетика было написано: «РСФСР. МОСОБЛСОВНАРХОЗ. БАКОВСКИЙ ЗАВОД РЕЗИНОВЫХ ИЗДЕЛИЙ. Ст. Баковка Калининской ж. д.».

Поговаривали, что высокое начальство могло себе позволить расслабиться при помощи трофейных итальянских изделий из тончайшего индийского батиста.

Триппер...

Случалась в наших рядах и любовная зараза. Гонорею (триппер) лечить народными средствами было бесполезно. Единственным спасением для солдата были антибиотики. Сами понимаете, они были на вес золота.

Наш старший военфельдшер воевал с этой «залётной» инфекцией достаточно просто. Вкалывал страдальцу в задницу пару кубиков молока. Дальше у закаченной в тело жидкости начиналось брожение. Температура у бойца поднималась до сорока и выше. При такой температуре тела никакие бактерии уже не могли выжить.

А на следующем этапе эскулап уже боролся и лечил сам гнойник на пятой точке. Достаточно изуверская метода, но других вариантов у нас не было.

Сифилис...

Если же определялся сифилитик, то его срочно забирали и выводили из всех видов довольствия. Это означало одно, что мы его больше никогда не увидим.

Поговаривали, что для таких больных были созданы спецлагеря. Там их уже никто не лечил. Для них был только один путь в штрафбат, или штурмовую роту на погибель.

Нет человека, нет болезни.

Однако, скажу вам, что...

Когда диагноз «сифилис» был налицо и становился приговором, пройдохи от медицины предлагали достаточно «мутную» панацею. Не за просто так, конечно же. Весьма эффективный способ лечения был парами ртути!

В этом случае на голову несчастного страдальца надевался герметичный колпак, под который запускалось «лекарство».

Сифилис излечивался моментально.

Другое дело, сколь долго жили пациенты после такого «лечения»? Об этом «врачи» умалчивали.

В то время все жили от приказа до приказа.

От боя до боя.

От атаки до атаки.

...Утром стали поступать раненные. Их размещали на открытой поляне. Просто на сырой осенней земле. Санитары подбрасывали под неподвижные тела лапники хвойника. Кому-то везло больше. В лучшем случае, их размещали на носилках.

Врачей не было видно и перевязками, никто не занимался.

На краю поляны в деревянной заимке стоял шум, гам и хохот. Это начальник медсанбата, полковой комиссар и некоторые избранные врачи мертвецки пьяные отмечали праздник революции.

Перед ними стояло ведро спирта. Эти залившие шары, ужравшиеся в дупель животные ничего не в состоянии были воспринимать, а тем более правильно организовать работу медсанбата.

Пилот фашистского «Мессершмитта-110», разглядевший среди деревьев раненых красноармейцев, прилетал трижды на дню. Видимо, выполнив лётное задание, летчик развлекался для себя. Жизни радовался, подлец.

«На бреющем полёте, он высовывался из фонаря кабины и строчил вниз из автомата. Было видно, что магазин для патронов круглый.

Лётчик куражился, смеялся и убивал раненых из нашего же автомата ППШ.

Но к вечеру сильно похолодало, и пошёл сильный дождь. Вода из болота подтопила поляну, образовались глубокие лужи.

Выжившие после обстрела немецким лётчиком раненые захлёбывались и умирали от переохлаждения. Тихо и не заметно. Молча, вздрагивали, вытягивались и замерзали. А до спасения им было рукой подать.

Рядышком оно было, спасение и, возможно, жизнь. Только была она сегодня к ним равнодушной, безразличной и беспощадно пьяной.

А через месяц, командир медсанбата был награждён орденом «За отличную работу и заботу о раненых».

Приказ о награждении подписал и представил в штаб дивизии полковой комиссар, коммунист Лукьянов.

Авоська и нахренаська – друг в одном окопе с изуверами-парашниками

На войне, как и в мирной жизни, случаются разные невероятные истории. Именно здесь наиболее остро проявляются человеческие слабости и достоинства. Предлагаю вашему вниманию злоключение, которое случилось в миномётной роте нашего 517-го стрелкового полка.

По воле случая тогда мне пришлось стать свидетелем этой жуткой военной драмы. Прямо на глазах разыгралась маленькая трагедия большой войны.

В минометной роте по штату было положено шесть единиц тягловой силы, ездовых лошадей. Их основной обязанностью являлось перемещение двуколок со всем батарейным скарбом. Лошади у нас были самые разномастные и, по большому счету, неприхотливые. Родом все были из сельских подворий, и поэтому тяжкий труд на войне был им не в тягость.

Исключение составляла лошадь, служившая на нашей батарее. По всему чувствовалось, что она благородных кровей. При отступлении, сноровистым глазом её приглядел ездовой Колчин. Деревенская старуха, во двор которой прибилась лошадь, не возражала её служению в Красной Армии.

Кормить-то все равно было нечем.

Но, правда, у кобылы имелся серьезный недостаток для солдатчины. Она была белого окраса. При боевых действиях, этот фактор становился явной демаскировкой и приходилось с этим явлением считаться. Но ездовой был не промах и где-то раздобыл обрывок маскировочной сети с крупными фрагментами листьев. В случае опасности, при штурмовке наших позиций «Юнкерсами» он тут же набрасывал ячеистую мотню на круп лошади. Эффективное было укрытие.

Всем миномётным взводом мы долго подбирали кличку нашей красавице. Но Колчин прекратил все дебаты по этому поводу

– Имя ей будет Ласточка, – сказал он, как отрезал.

Никто из служивых не возражал. Да и бесполезно было. Это же был сам Колчин, тот ещё неуступчивый вояка.

Выглядела борзая коняга изящно. Высокая, с грациозной шеей, красивой осанкой и гордой походкой. Одно загляденные тонкие, стройные, прелестные ноги. Белоножка. На холке длинная грива, хоть косички заплетай. Хвост, бывало, выдавал ее настроение: взмахнет недовольно и отходит в сторонку с обидой. Но характер был у нее покладистый, незлобивый. Отгадет и снова тянется для общения. Губами фыркает, причмокивает. Одно слово, была дружелюбной.

Говорили, что служила она всю жизнь в цирке и оказалась списанной по возрасту.

В затяжных боях конца 1942 года под Демянском, что

у Старой Руссы трудно было определить линию фронта. В своем постоянном состоянии она была зафиксирована только на земле, подходящей к болотам. Но там оборона фрицев была сильнейшим образом укреплена.

Территория трясины и островки на ней были разменной монетой. Сегодня утром можно было находиться с одной стороны огрудка, вечером с другого края по гати уйти на следующий островок. Но через пару деньков вернувшись на прежнее место, встретить там немецкий арьергард. Тут же между противоборствующими сторонами завязывалась ожесточенная перестрелка. А в таких скоротечных, малокровных но, в то же время, злобных и разъярённых боях, как говорится, кто шустрее.

После того, как красные стрелки отбивали у врага окруженный трясинной клочок земли, нашей задачей было, как можно быстрее разместить на нём минометную батарею.

Боевой расчет всё делал сноровисто.

Укладывали плиту, устанавливали ствол, опоры, поодаль размещали боекомплект миномёта. Наводчик по координатам наводил на цель. Звучал первый пристрелочный выстрел. По связи взводный лейтенант принимал корректировку. Второй выстрел. Третий. Пятый...

А дальше торопись, поспедай только в ствол мины забрасывать.

И пошло-поехало. Понесла-а-ась...

Мы успевали сделать едва-едва до пятидесяти выстрелов

и «делай ноги» с рассекреченного островка. «Вали» быстрее подальше и уноси свою матчасть. К таким марш-броскам уже привыкли. Стерпелось.

Только за нами успокаивались болотные омутки, а в ответку уже прилетали первые немецкие мины. Они противно были в воздухе, словно ишаки. По характерному звуку мы уже заранее знали, где упадёт. То ли булькнет в болотной жиже, а может быть и взорвётся на островке «привет» от фрица. В любом случае, приходилось держать ухо востро.

Если боевые расчёты задерживались с эвакуацией, Ласточка с непривычки начинала суетиться и резко дергала двуколку. Перебирала ногами. Трясла сбруей. Могла и заржать. Комроты, капитану Алабужеву это не нравилось и он нещадно, до остервенения хлестал ее плеткой. В панике соскочив с двуколки, советский офицер злобно пинал каблуками своих кирзовых сапог лошади в живот. Орал и ругался матерно, обвиняя всех и вся в нерасторопности. Мог и в глаз дать солдатику, если подвернётся под горячую руку ротного.

Одним словом, трус и ничтожество был капитан Алабужев. Паникёр. Рисковали на войне все одинаково и животные были здесь не исключение.

А Ласточку было особенно жалко.

На привале Колчин ухаживал за питомицей, как мог. Расчесывал Ласточке хвост, а та покорно ожидала цирюльной процедуры и не баловала понапрасну.

Манипуляции с гривой, это была отдельная песня! Фанта-

зии зависели от настроения ездового. Для косичек использовались ленточки, бинты, даже флакончики и пузырьки от лекарств. Всё шло в дело.

Он ласково гладил ей шею. Заглядывал в большие, красивые и умные, вишнёвого цвета глаза.

Оттопырив большие лошадиные губы, внимательно рассматривал зубы и чистил их пучком не жёсткой травы.

Удивительно, но Ласточке эта процедура нравилась. От удовольствия она взмахивала головой и по лошадиному громко чихала: «Ф-ф-фы-ы-р-р-р!..

Во время отдыха цирковой лошади было скучновато. Смешно было наблюдать, как новобранец Колян пытался накормить Ласточку соломой. Стебли упирались ей в ноздри, и она понарошку раздувала их, фыркала и отворачивалась. Затем снова тянулась, опять же подставляя для развлечения свою голову.

Игра её, видимо, определенно, забавляла.

Я ни разу не видел, чтобы Колчин кому-либо разрешил прокатиться верхом.

– Она свое отслужила, – говаривал безапелляционно ездовой, отстаивая заслуженное право на отдых своего друга.

– Как будто фронтовые будни были тяжелее цирковых, – ворчали молодые солдатики.

Но, как бы то ни было, война войной, а любовь к Ласточке была бескомпромиссной, всеобщей и безграничной.

Солдатская любимица стала притяжением всех добрых

сил на земле. Светлым образом.

Насколько я заметил, абсолютно все батарейцы хотели погладить Ласточку. Даже чуток обнять за шею и, хотя бы, на секундочку прижаться к ней. А той, видимо, было приятно от ласковых людских прикосновений. Она в знак признательности качала головой и шевелила кожей.

Интересная особенность у лошади, скажу вам, вздрагивать кожей. А, может быть, ей было радостно от солдатских забав, потешно и щекотно?

Ездовой Колчин оборвал рукава разодранной фуфайки, сложил вчетверо. Суровыми нитками подшил тесемки. Получилась приличная щетка для чистки и конной бани. В свободное от боев время он с любовью обмывал водой крутые лошадиные бока, а щеткой этой обтирал до блеска.

Мы все любовались красотой Ласточки!

Упряжь, хомут, удила, вожжи всегда были у него в полном порядке. Но особую тревогу вызывали изящные тонкие ноги. Конкретнее, копыта лошади. По штату положены были подковы. Но где новые взять, если у интендантов их просто не было в наличии

– Ждите, – говорили тыловики, – найдем рано или поздно. Ничего себе, как отбрехивались.

В Ленинграде, подступы к которому мы защищали, свирепствовал жуткий голод. До нас доходили противоречивые слухи.

Однако, солдаты тоже не жировали и никогда не случа-

лось, чтобы наедались досыта. Каша, каша, каша в разных вариантах, почти всегда постная и без мяса. Тушенка, если была, только трофейная. Хорошо, хоть, хлеба пайку не задерживали. И ноги не протянешь и сытым не будешь.

Но, если по честному, служивые люди недоедали крепко. Постоянно приходилось рыскать по соседним батареям. Бойцы не брезговали кланчить провиант у мародёров. Кое-что из продуктов доставалось на обмен.

В широком ходу были немецкие трофеи: оружие, шнапс, часы, одежда и обувь, теплые вещи, различные побрякушки, бытовые вещи. За счастье считалось раздобыть немецкую или итальянскую тушёнку.

Мы же были молодыми. Злыми, тощими и всегда голодными.

Разведчики из дивизионной разведроты знали о бело-гривой красавице Ласточке. Они специально прокладывали с передовой обратный маршрут через позицию нашего взвода.

Люди воевали там дружные, веселые. Обступали Ласточку, громко смеялись и радовались сиюминутному счастью. Сложив оружие в пирамидку, побросав свои «сидоры» общались с любимицей. Случалось, и хлебушком могли угостить. А в лучшие времена даже целой буханкой.

У бойцов слюнки текли от такого роскошества, завидушки брали, но ни у кого язык не поворачивался осудить безалаберную щедрость разведчиков. Наоборот, радовались

за Ласточку.

Разведчики люди особые. Себе на уме. Их лучше не спрашивать. Царский подарок был налицо? И славненько.

Однажды разведчики появились внезапно. Они были с головы до пят грязные, а их одежда разорвана в клочья. Вода с них стекала ручьями. В общем и целом, все мокрые до нитки.

Вывалились на поляну прямо из болота и упали навзничь с краю. Затихли от бессилия.

Мы даже не смели подойти к ним. Понимали, что те вырвались прямёхонько из боя. Отдохнуть бы им надо было. В себя прийти, отдышаться. Расслабиться от напряжения.

Но Ласточка не хотела понимать человеческих слабостей. Умница, она же их всех знала и любила. На войне не бывает в отношениях пограничных линий. Поэтому симпатия была взаимной.

Не мешкая, кобылица подошла и всхрапнула над ухом самого балагуристого из них. Понятно дело, требовала традиционную горбушку хлеба. Догадывалась ласкуня, что не обидят солдаты. Замерла в ожидании. И не напрасно. Желания её оправдались.

Вначале один боец поднял голову. Другой затем встал.

Командир разведчиков капитан Саблин раскрыл рюкзак и выгреб на развернутую плащ-палатку все содержимое. Наконец-то нашлась раскисшая корочка хлеба.

Наблюдавшие за этой картиной солдаты улыбались и по-

нимали, что даже на войне сострадание и благодушие великая сила. Зачерстевшие от обилия пролитой крови сущности людей, хоть на секундочку, но оттаивали.

Сердечная доброта разведчиков была бесценна. Искренней, беззлой, идущей от сердца и от благородства внутреннего мира.

Бывало, ротный Алабужев и еще парочка разбитных солдат с гауптвахты забирали у Колчина Ласточку, пригрозив тому строго-настрого, чтоб помалкивал. Самовольщики скоренько укладывали в двуколку что-то припрятанное дефицитное в вещмешках и уезжали в ближайшую деревушку.

Возвращались они уже затемно.

Понятное дело, что в завернутой шинели они везли заветную четвертину, бутылку мутного самогона. Любили пображничать сукины коты. Паскудники.

Ласточка же бывала вся мокрая, обессиленная. На её грязной спине можно было увидеть следы от побоев и хлыста.

После таких случаев, от беспомощности перед самодурством своего командира, Колчин плакал в свои седые усы. Капитальная мойка для лошади была неизбежна. А вопиющая дурь командира была очевидна.

Уже поутру дурак Алабужев, выкатив красные с великого бодуна бесстыжие глаза, орал на ездового, что двуколка к маршу не готова. Таким образом, он срывал свою злобу, гасил сушняк и похмельный синдром.

Мерзавец и большая сволочь был капитан Алабужев.

Поздней осенью 1942 года в Демянских болотах постоянно шли холодные дожди вперемешку с сырым снегом. Вонючая жижа, кое-где начинала покрываться белым покрывалом. От лютого и промозглого ветра было трудно спрятаться. Ледяная пурга, вперемежку с сырым снегом продувала насквозь.

Случилось так, что третий взвод из второй миномётной роты занял небольшой островок и проложил к нему гать. Одним словом, территориально изолировался от частей своего полка. При обустройстве перехода солдаты, вымокли до нитки и выбились из сил от форсированной натуги. После того, как все перебрались на отведённое начальством место, стали готовить ночлег. В прогретой тёплой землянке, спали как убитые. Выстрели из винтореза над ухом, всё равно не услышат. Однако, отдых был предназначен не для всех. Каждые два часа, по очереди, горемычные великомученики трудяги отправлялись на пост часовыми охранять взводную матчасть.

Однажды, рано утром недавно призванный салага Колян выбрался из блиндажа до ветру. Но совсем скоро он вернулся и стремительно влетел за полог плащ-палатки, в тепло нашей норы. Возбуждённый и запыхавшийся, он был крайне взволнован. Проще говоря, находился в состоянии аффекта. Как мельница крутил-размахивал руками. Трудно было что-либо понять из его слов. В общем, у молодого рекрута наблюдалось полное смятение.

Бойцам стало ясно одно, что случилась великая беда.

Быстренько собравшись, солдаты бегом устремились за Коляном и гурьбой выбежали на край болота. Перед их взором открылась жуткая картина. Ужасное зрелище по своему драматизму и циничное по необычайной жестокости.

В хаосе рваной предзимней непогоды разыгралась катастрофа. Мы воочию увидели гнев демона смерти. Агонию.

Метрах в десяти от берега, совсем рядышком с чуть приотпленной гатью тонула Ласточка. Её тело уже полностью засосало болото. Над трясинной торчали только самый верх спины и голова с широко растопыренными ушами.

Она была не распряжена и двуколка тянула её вниз все глубже и глубже в дьявольскую сероводородную бездну.

От отчаяния и страха Ласточка широко раздувала ноздри. Высоко подняв голову, как могла, трясла сбруей и разбрасывала по сторонам агоническую кровавую пену. Громадные глаза с ужасом смотрели на метавшихся по берегу людей и молили о помощи. Напрасно.

Ласточка изредка пыталась просить подмоги голосом, заржать. Но ужас происходящего парализовал все её мышцы. Из горла вырывался душераздирающий предзакатный то ли стон, то ли храп.

Все осознали, что смерть уже стояла возле её изголовья.

По воле убогого случая очередная жертва беспощадной реальности покидала ожесточённую землю. К великому сожалению и на нашу беду, это был наш боевой товарищ, ез-

довая лошадь Ласточка.

А совсем неподалёку, чуть поодаль, у костра расположились комроты Алабужев и двое тех самых разгуляев с гауптвахты. На пенечке у них была разложена закуска. Бутыль с мутным содержимым притулилась возле ног.

Не обращая внимания на происходящее, они переругивались между собой, громко похохатывали. По всему получалось, что пировали на трагедии. Глумились.

На вопрос ездового, как же так случилось непоправимое, пьяница Алабужев ухмыльнулся и не ответив, продолжал бражничать дальше. Креста на нём не было. Ни стыда, ни совести у отщепенца и душепродавца.

Однако, замахнув очередную «сотку» капитан цинично и бесцеремонно грубо процедил в ответ

– Лошадь ногу сломала. Сами чуть не окунулись в болото. И было бы чего из-за животины страдать. Какая разница, одной больше, одной меньше. Страдалыцы, мамочке своей ещё пожалуйте. Герои-воины. Ой, умора, не могу...

Но ездовые, на своё усмотрение и, как требовал устав «сам погибай, а товарища выручай» быстренько притащили упряжь, веревки. Приготовили длинные жерди, даже вывороченный ветром ольховый ствол притащили.

– Что ж вы натворили! Что же вы наделали! – причитая, сутился вдоль берега Колчин.

Кто-то стал раздеваться, чтобы поднырнуть в ледяное болото. По крайней мере, попытаться просунуть упряжь под

брюхо Ласточки.

Проклятья сыпались от простых солдат в сторону своего пьяного командира Алабужева. Но тому всё, как об стенку горох. Стакан бы поднимать да закуску жрать. Христопродавец.

– Ах, вы недоноски! Солдатня неблагодарная! Ублюдки! – вдруг взбесился ротный спьяну. Выхватив из кобуры пистолет, подскочил к гати, – а ну-ка быстро, марш все на берег! Застрелю за невыполнение приказа! – и дважды выстрелил в воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.